Советская Литва
г. Вильнюс
13 ОКТ 1987

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Талант—всегда беспокойство

Что может актер?.. Что может он, не имеющий права выбора, повторяющий чужие слова? Что может он сотворить как художник, желающий помочь людям, если сам он плоть от плоти тот же человек? Если у вас возникнут когда-нибудь подобные вопросы, вспомните хотя бы драму Ю. Марцинкявичюса «Миндаугас», спектакль, где почти три часа в тисках страстей, тайных желаний и высоких порывов нас держал народный артист СССР Регимантас Адомайтис. Под конец спектакля смертельно раненый король разбивал глиняную карту Литвы и с болью, тихим шепотом в черную тишину зрительного зала говорил Белому летописцу свои последние слова:

Пищи, что не любил я
никого,
Что принуждал родных
к повиновенью...
Добавь... еще добавь,
что это все
Я сделал ради родины...
И может быть, меня
поймут... Простят...

Спектакль кончался, на сцене гасли огни, а зал молчал, будто боялся вспугнуть то чудесное настроение, те большие чувства, которые в наших сердцах породила игра актера... А потом вспыхивали аплодисменты, которые не раз зарождались и по ходу спектакля после монологов-исповедей Миндаугаса. И так бывало каждый раз, когда на сцене Государственного академического театра драмы Литовской ССР играли эту трагедию. И неважно, кто находился в зале — люди из села, интеллигенция или совсем юная молодежь, — Регимантас Адомайтис безраздельно царствовал над аудиторией. И мне всегда хотелось верить, что зритель покидал зал, став чуть лучше и добрее.

То же можно сказать и о других спектаклях, где играл Р. Адомайтис. О первой большой удаче актера в театре— о Джордже из пьесы Дж Стейнбека «Люди и мыши», постановку которой осуществил на сцене Каунасского драматического театра Г. Ванцявичюс в 1965 году. О Франце из «Затворников Альтоны» Ж. П. Сартра, о Мажвидасе Ю. Марцинкявичюса в одноименной пьесе, о Боркмане из пьесы Г. Ибсена. «Йун Габриель Боркман», об Эдгаре из пьесы Ф. Дюрренматта «Играем Стриндберга», о Калигуле в одноименной трагедии А. Камю. Это очень разные роли и по темпераменту, и по мироощущению героев, но всех их роднит внутренняя сила и высокий интеллектуальный накал духовной жизни. И это понятно, ведь названные творения — это сложные философские миры, где писатели-мыслители излагали свои концепции человеческого бытия. Некоторые из этих пьес были поставлены впервые в стране. Новым и необычным явлением они представали в литовском театре с его давней традицией реалистически-бытовых постановок. В некоторых из упомянутых спектаклей актеры и работали в таком ключе, но в игре Р. Адомайтиса чувствовалась другая манера — аспект условности, поиск отчуждения от своих героев. Может быть, это не всегда шло на пользу стилистической целостности спектакля, но такая манера игры, без всякого сомнения, была близка к стилистике самих пьес, помогала полнее и глубже донести до зрителя интеллектуальный багаж писателей.

А в кино Регимантасу приходилось играть людей, более нацеленных на действие, на поступок, чем на размышление. Вспомним хотя бы его первую большую удачу — роль темпераментного Донатаса, которого погубила слепая страсть отмщения за смерть отца, — в картине В. Жалакявичюса «Никто не хотел умирать». Итак, в каждом фильме, за каждым героем стоял умный, думающий человек с яркими и сильными убеждениями, мировоззрением. И когда где-то в конце шестидесятых годов в советском киноведении появился термин «интеллектуальный актер», его обычно применяли и к манере игры Р. Адомайтиса. Правда, объяснялось это довольно просто — его жизненным путем, его учебой на факультете физики и математики в ВГУ, его дипломом по специальности физика полупроводников, что якобы и определило абстрактное, аналитическое мышление этого актера. Все это, конечно, очень важно, но не определяет сути дела.

В пору постановки одной из пьес французского автора мы с Регимантасом жили по соседству, и я видел горы книг по философии, истории, литературе и психологии, нередко на французском языке, который Регимантас выучил самостоятельно. Однажды я спросил, не может ли помешать чтение теоретических работ эмоциональной непосредственности решения роли? Он подумал и ответил: «Может быть... Но тем не менее я должен понять, что я играю и почему. Прежде всего мне самому это надо выяснить».

Не дипломом физика, а глубиной интеллекта можно объяснить стиль игры этого актера. И, конечно, огромной работоспособностью. Мне посчастливилось присутствовать на съемках фильма «Король Лир», где буйные душевные порывы Эдмонда режиссер, покойный Г. Козинцев, надеялся выразить прежде всего геометрически точной игрой актера, где был заранее предвиден каждый жест, каждый шаг. Целый день длилась съемка небольшого эпизода, а Регимантас без устали все повторял и повторял мизансцены. Вечером, когда я спросил режиссера, почему так — может, не справляется Адомайтис со своей ролью, Козинцев удивленно поднял брови: «Откуда вы взяли? Наоборот, он играет филигранно точно...».

Совершенно другой стиль игры я наблюдал в Коктебеле, где В. Жалакявичюс ставил свой фильм «Это сладкое слово — свобода», в котором Р. Адомайтис играл роль подпольщика Франсиско, руководящего подкопом тоннеля. Роль непростую, многоплановую. После эмоциональной, часто шокировавшей своими интеллектуальными парадоксами разминки режиссер начинал репетицию и давал актерам полную свободу действий. И уж не помню, сколько раз Регимантас полз по узкому, душному тоннелю и опять все начинал сначала, продолжая поиск каких-то других, более достоверных нюансов этой сцены. И это длилось долго, очень долго, до тех пор, пока режиссер, довольный той находкой, к которой актер подошел сам, не сказал: «Стоп! Так и будем снимать».

Регимантас не умеет что-то делать на «авось», «как-нибудь». Он очень серьезно и ответственно смотрит на жизнь, на свою работу. Он не дает себе поблажек даже в тех фильмах, где уже в начале съемок выявляется, что большой удачи не будет. Даже в этих случаях Регимантас, злясь на себя и на весь мир, работает в полную силу, потому что по-другому он не умеет.

Когда-то Регимантас нашел на берегу озера брошенную яхт-клубом разваливщуюся яхту. И вот уже несколько лет он с остервенением трудится над этой посудиной, и совершенно ясно, что будет трудиться столько, сколько нужно, чтобы сделать все, как надо. Чтобы и он сам, и пассажиры его корабля чувствовали себя уверенными.

Уверенность в истинности поступков героев, сыгранных актером, зритель ощущает в большинстве случаев. Несмотря на разницу характеров и социальное положение, это всегда мужественные, сильные люди, на которых можно положиться. Они не сгибаются под ударами судьбы, их можно убить, но невозможно победить. Нам симпатичны, по-человечески близки и понятны даже те его герои, которых никак не назовешь позитивными. Как Эдмонт из уже упомянутого «Короля Лира» и Адомас Вайнорас из картины «Потерянный кров» режиссера А. Грикявичюса. Все мы были удивлены, когда узнали решение режиссера роль начальника полиции поручить Р. Адомайтису. И вот результат: актер сыграл не обычного, стандартного полицая, который пошел по мерзкому и страшному пути ради наживы или карьеры. Адомас Вайнорас — это сильный и умный человек, который пошел служить немцам в надежде, что на этом посту он сможет помочь своим соотечественникам. Но эти надежды оказались тщетными и иллюзорными. Актер с большой трагической силой показал, как должность уродует человека, показал деградацию Вайнораса, его закономерный приход к самоубийству. И то, что нам небезразлична судьба этого персонажа, — итог мастерства и личного обаяния актера Р. Адомайтиса.

И сегодня хочется верить, что на жизненном пути Регимантаса Адомайтиса будет еще много ролей, которые потребуют от него всей силы его таланта. И со сцены, и с экрана он еще много раз будет говорить с нами о важных и кардинальных проблемах человеческого бытия.

Л. ТАПИНАС.